

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

М.П. Одесский

**ОКТАБРЬ 1917 ГОДА:
МЕЖДУ «РЕВОЛЮЦИЕЙ ДУХА» И «ПЕРЕВОРОТОМ».
(К истории идеологемы «революция»)**

Аннотация. В статье речь идет о словах-идеологемах «революция» и «переворот». Рассматривается история бытования этих идеологем, их употребление в европейской и российской традициях. Делается вывод о том, что в России XIX и XX вв. они часто оказывались синонимами, и даже В.И. Ленин употреблял их в одном значении. Однако теперь эти идеологемы несут различную смысловую нагрузку: «революция» оценивается позитивно, а «переворот» негативно.

Ключевые слова: революция, переворот, превращение, В.И. Ленин, П.М. Милюков.

Одесский Михаил Павлович – доктор филологических наук,
профессор Российского государственного гуманитарного
университета (РГГУ), Москва. E-mail: modessky@mail.ru

**M.P. Odesskii. October of 1917: «The Revolution of Spirit» and «Revolt».
(History of the «Revolution» Ideology)**

Abstract. The article describes the words-concepts «revolution» and «revolt», the history of these ideological concepts and their use in European and Russian traditions. It is important that in Russia of the 19th – 20th centuries the words were used as synonymous; even Lenin used them as they were of a single value. Now, however, they have different meaning: «revolution» is evaluated positively and «revolt» – negatively.

Keywords: revolution, revolt, transformation, V.I. Lenin, M.P. Milyukov.

Odesskii Mikhail Pavlovich – Doctor of Philology,
Professor, Russian State University for the Humanities (RGGU),
Moscow. E-mail: modessky@mail.ru

Для языкового сознания современной России характерно противопоставление слов-идеологем «революция» / «переворот». В особенности – примени-

тельно к политическим событиям, случившимся в Октябре 1917 г., когда партии большевиков и левых эсеров свергли Временное правительство и вооруженным путем захватили власть.

Эти слова ныне функционируют как ценностные антонимы: «революция» – вооруженное восстание, которое оценивается позитивно, а «переворот» – тоже восстание, но оцененное негативно. При советской власти, обязанной своим происхождением 1917 г., безальтернативно функционировало словосочетание «Октябрьская революция», после 1991 г. смена вех в отношении к коммунистической идеологии выразилась в утверждении словосочетания «октябрьский переворот». Причем на различных уровнях: публицистики, школьных учебников и т.д. Вот свидетельство современника: «В старших классах уже читала, что Октябрьская революция – это переворот, да и личность Владимира Ильича не так однозначна. Интересно, а что знает о Великой Октябрьской социалистической революции современное совсем юное поколение?» [18].

Характерен в этом аспекте и роман популярного в 1990-х годах прозаика А.И. Слаповского. Там указано: «Кстати, не понимаю, с чего это стали говорить: переворот, большевистский путч – и тому подобное?» [16]. Примечательны и суждения А.Н. Яковлева, признанного «идеологом перестройки». Налицо противопоставление: «Если переворот в октябре 1917 года носил явно разрушительный характер, то французская революция сумела сконцентрировать в своем духовном арсенале важнейшие достижения европейского социального опыта, науки и общественного сознания XVIII века» [15].

Оппозиция стала привычной. Потому о героях исторического романа сказано: «В семье Башуцких, как, впрочем, и в других подобного разряда “переворот” был не слишком восторженным синонимом революции, а жизнь прежняя определяется ностальгически – “мирное время”» [19].

Но стоит отметить, что современники и участники тех событий отнюдь не противопоставляли «революцию» «перевороту». Так, В.П. Катаев, вспоминая в автобиографическом романе «Алмазный мой венец» о друге-поэте и его одесской деятельности периода Гражданской войны, указывал: «Вот, например, как он изображал революционный переворот в нашем городе» [9, с. 351].

Характерно, что нет противопоставления и в мемуарах знаменитого карикатуриста Б.Е. Ефимова, брата влиятельнейшего советского журналиста М.Е. Кольцова: «Молотов обстоятельно описывал, как Сталин подготовил по идее Ленина, организовал и осуществил Октябрьский переворот, то есть Рабоче-крестьянскую революцию»; «То был подлинно исторический Октябрьский переворот, не только потрясший, но и круто, беспощадно, катастрофически и одновременно возвышающе переломивший миллионы судеб»; «Людей, совершивших этот грандиозный переворот, можно восхвалять или

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

поричать, почитать или хулить, любить или ненавидеть, восхищаться ими или презирать, но они причастны к легендарному историческому событию и сами стали легендарными» [17].

Не подразумевается противопоставление и А.И. Солженицыным. Один из героев романа «В круге первом» – Сталин. По воле автора лидер государства вспоминает, что «семнадцатый год был неприятный год: слишком много митингов, кто красивей врет, того и на руках носят... Сталин это не любил, не умел – выбрасывать слова наперегонки, кто больше и громче. Не такой он себе представлял революцию. Революцию он представлял: занять руководящие посты и дело делать... Авантюрой был и октябрьский переворот (так! – М. О.), но удался, ладно» [22, с. 124].

Наконец, примечательно и первое издание словаря С.И. Ожегова. Именно оно устанавливало как языковую, так и политическую норму. Там «переворот» – «коренное изменение в государственной жизни». Приведены и примеры: «революционный переворот»; «государственный переворот» (ср.: «революция» – «коренной переворот в жизни общества, который приводит к ликвидации отжившего общественного и политического строя и передает власть в руки передового класса»).

Таким образом, для сторонников «Октября» были синонимичны понятия «революция» и «переворот». Для противников тоже. Лидер партии кадетов П.Н. Милюков в книге «Очерки по истории русской культуры», выпускавшейся и эмигрантскими издательствами, начинает главу «Литература революции и возвращение к реализму» словосочетанием «октябрьская революция»: «Отношение октябрьской революции к литературе и искусству должно быть, конечно, совершенно иным – гораздо более сложным, – чем отношение к церкви и религии» [14, с. 355]. Завершается же глава словосочетанием «октябрьский переворот»: «Предстоит выступление в литературе поколения, выросшего и воспитывавшегося в период времени после октябрьского переворота» [14, с. 409].

В 1921–1924 гг. Милюковым написана «История второй русской революции». Там автор вроде бы противопоставляет позитивно оцениваемые события – характеризующие негативно: «В дни, предшествовавшие большевистскому перевороту, идеология этого переворота была дана самим вождем большевизма, Лениным, в его брошюре: “Удержат ли большевики государственную власть?”» [13, с. 579].

На деле же терминологического противопоставления нет. Рассуждая о «перевороте», Милюков воспроизводит сказанное большевистским лидером, цитирует его программную брошюру. А Ленин использовал оба термина. Он рассуждал о непобедимости «народной революции», которая «победит весь мир, ибо во всех странах зреет социалистический переворот». И акцентировал: «Наша революция (так! – М. О.) непобедима, если она не будет

бояться сама себя, если она вручит всю полноту власти пролетариату, ибо за нами стоят еще неизмеримо большие, более развитые, более организованные всемирные силы пролетариата, временно прижатые войной, но не уничтоженные, а напротив, умноженные ею» [11, с. 330].

Получается, что представители поколения 1917-го – как Милуков, лидер Февраля, так и «звезда» Октября Ленин – не противопоставляли термины «революция» и «переворот». Оба вполне адекватно реализовали внутреннюю форму идеологии «революция», определившую историю ее бытования.

Исходно понятие «*revolutio*» – латинское. Употреблялось в естественно-научном контексте. Например, в заглавии хрестоматийно известного с 1553 г. трактата Н. Коперника: «*De revolutionibus orbium coelestium*», т.е. «Об обращениях небесных сфер». Историю понятия «революция» исследовал, в частности, К. фон Гриванк. Он указал астрономические контексты данного термина – в трудах И. Кеплера и Г. Галилея ([26, р. 171–173; см. также: [21, с. 28–41]).

К XVII в. термин переносится в политическую лексику, что, надо полагать, связано с влиянием астрологии. Так, А. де Перефикс, воспитатель Людовика XIV, именовал «революцией» политику Генриха IV Бурбона, добившегося в 1594 г. полнообъемного восстановления королевской власти после длительных религиозных войн [26, р. 173–174]. «Революция» как насильственное восстановление законности противопоставлена бунту. Таков был узус. Соответственно, Т. Гоббс «революцией» называл реставрацию власти Стюартов – восшествие на английский престол сына Карла I [26, р. 176]. Ну а свержение и казнь Карла I именовалась «Великим бунтом» (Great Rebellion) или «Гражданской войной» (Civil War). Что, к примеру, отражает заглавие написанного в 1702–1704 гг. труда Э. Хайда, графа Кларендона: «*The True Historical Narration of the Rebellion and Civil Wars*» (1702–1704). Впрочем, вопрос терминологической характеристики указанных событий остается открытым [см.: 25].

Ныне привычное значение термин обрел в связи со свержением Якова II Стюарта и восшествием на престол Вильгельма III. События 1688–1689 гг. англичане назвали «Славной революцией» (Glorious revolution) [26, р. 179–180]. Это было обусловлено факторами пропагандистского характера. Во-первых, сторонники Вильгельма III характеризовали свои действия как «восстановление» традиционных английских свобод. А во-вторых, принципиально изменился государственный строй. Власть исполнительная – королевская – была ограничена властью парламента, т.е. законодательной.

Именно тогда дискурс был обновлен. «Революцией» именовали насильственное восстановление законных прав, похищенных тираном.

Эту концепцию эксплицировал в 1690 г. Д. Локк. В «Двух трактатах о правлении» декларировалось, что народ, восставший против тирании,

совершает действия законные – «революцию». Соответственно, тираны, посягнувшие на его права, «виновны в мятеже» (*guilty of Rebellion*) [12, с. 389, 392, 393–394]. Учение Локка стало программой будущих революций. И они уже «знали свое имя» [23, с. 150–151]. В XVIII в. все более распространенным становилось использование локковского истолкования термина «революция». Что закономерно: английский режим многие интеллектуалы признавали образцовым.

Смысловое поле термина все более расширяется. Весьма популярен жанр «истории революций», и авторитеты эпохи Просвещения, характеризуя свое время как переломное, призывали к «революции духа» [26, р. 182–213]. Идеологи американской борьбы за независимость, как известно, использовали эти терминологические конструкции в пропагандистской войне с Англией. А в ходе Великой французской революции предложено было и множество новых интерпретаций.

На образцы «Славной революции» ориентировалось, например, французское Учредительное собрание. Оно торжественно постановило, что надлежит именовать «восстановителем» Людовика XVI, формально отменившего сословные привилегии. Но затем его свергли и судили, а якобинский лидер Л.-А. Сен-Жюст доказывал, что всякий король уже постольку виновен в тирании, поскольку не избран, следовательно – «мятежник и узурпатор» [3, с. 50]. Прагматику суда четко обозначил М. Робеспьер. Он заявил, что смертный приговор Людовику – только средство. Цель же – «внедрить глубоко в сердца презрение к королевской власти и поразить ужасом приверженцев короля» [3, с. 57]. Отныне «революция» – не восстановление нарушенной традиции, но творение совершенно нового и небывалого.

В российской радикальной традиции заимствованное слово «революция» тоже стало идеологемой. Но многие декабристы, движимые патриотическим порывом, передавали французское слово «*révolution*» русским – «переворот» [см. подробнее: 19, с. 494–502]. Это так называемое семантическое калькирование. Оно было основано на морфологическом: «*ré-volution*» / «пере-ворот».

Согласно «Словарю Академии Российской» в издании 1822 г., «переворот» – «нечаянная и сильная перемена дел и обстоятельств... *Переворот французский потряс все основания государства*»¹. Комментируя историю слова «переворот», В.В. Виноградов отметил: «Сближение слова *переворот* с французскими словами *révolution* и *révolte* произошло в конце XVIII в. Понятно, что уже в семантическом облике этого русского слова обозначались признаки и оттенки, активно подготовившие это сближение и ему содействовавшие» [4, с. 449].

1. *Здесь и далее: курсив в авторском тексте.*

П.И. Пестель тоже использовал слово «переворот» как синоним слова «революция». Это фиксируется, например, показаниями Пестеля на следствии: «Происшествия 1812, 13, 14 и 15 годов, равно как предшествовавших и последовавших времен, показали... столько *революций* совершенных, столько *переворотов* (так! – М. О.) произведенных, что все сии происшествия ознакомили умы с *революциями*, с возможностями и удобствами оные производить». «К тому же, – добавлял декабрист, – имеет каждый век свою отличительную черту. Нынешний ознаменовывается *революционными* мыслями» [5, с. 105].

Русские интеллектуалы в качестве альтернативы революционному слову «переворот» пытались предложить архаизирующее, церковно-славянское слово «превращение». Это прием новаторский. Причем новаторство вполне осознанное, целенаправленное. Термин создан как результат поморфемной славянизации: «переворот»: «пере-ворот» / «пре-вращение». Архаизация в области культуры довольно популярна в ту пору. И Пестель был ей отнюдь не чужд [10]. Наряду с русским термином «переворот» он использовал и славянизм – «превращение». Так, утверждал, что на политическое развитие государства «добрые планы могут иметь хорошее действие и влияние даже без *превращения (революции)*» [5, с. 87].

В такого рода примерах заметна тенденция. Посредством уловок достигается синонимизация понятий «революция», «переворот» и «превращение». От «революции» отодвигаются все дальше – на два шага. С учетом этих уловок можно найти объяснение и кажущемуся странным монологу Чацкого в первом явлении третьего действия комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» [8, с. 115]:

*Есть на земле такие превращения
Правлений, климатов, и нравов, и умов,
Есть люди важные, слыли за дураков:
Иный по армии, иный плохим поэтом,
Иный... Боюсь назвать, но признано всем светом,
Особенно в последние года,
Что стали умны хоть куда.*

Автор, как известно, был к архаистам близок. Потому и отсылал читателей к исходной – «естественно-научной» – традиции бытования термина «революция».

Шутка была понятна не только современникам. Например, А.И. Герцен иронически описывал в «Былом и думах» незадачливого полицмейстера, который при обыске, взглянув на обложку издания, счел крамольной «речь Кювье “Sur les révolutions du globe terrestre”» [6, с. 112]. Имелось в виду сочи-

нение французского естествоиспытателя Ж. Кювье «Discours sur les révolutions de la surface du globe...» – «Рассуждение о переворотах на поверхности земного шара...».

Неожиданной кажется связь комедии «Горе от ума» и царского манифеста 19 декабря 1825 г. Однако и в нем – слово «превращения». Манифест содержал, во-первых, официальную версию декабристского восстания. А во-вторых, – призыв видеть различия «между любовью к отечеству и страстью, между желаниями лучшего и бешенством превращений...» [цит. по: 23, с. 329].

Исходя из сказанного, отметим, что изначально в русской традиции, формировавшейся под влиянием общеевропейской, слова «революция» и «переворот» («превращение») – не оценочные. Таковой стала оппозиция «революция духа / сознания – революция <политическая>». В данном случае указывалось, что восстание приводит к ограниченному политическим изменениям, но не к принципиальным трансформациям и установлению справедливого строя, которые ожидают от истинной революции.

Такую оппозицию содержит трактат Андрея Белого «История становления самосознающей души», создававшийся с середины 1920-х и до начала 1930-х годов. К примеру, указано, что «в этом смещении духа Люцифера и Аримана, в уравнивании их друг другом – явление выявления всякой “политической” революции, в отличие от революции собственно, изживающей себя в трех пластах: 1) как революция *социальная*, которая есть революция внесения символов “экономики”, символов астрального тела в душу ощущений в будущем движении пролетариата, 2) как революция политическая, которая есть – такое же внесение символов души ощущающей, политической, “личной” свободы в душу рассудочную, 3) как революция сознания, которая есть внесение символов обеих революций в самосознание наше» [1, с. 137–138].

Трактат был предназначен для распространения среди антропософов, так сказать, для антропософского «самиздата». Автор потому и позволял себе весьма осторожное оппонирование государственным идеологическим установкам. Зато в брошюре «Революция и культура», печатавшейся между Февралем и Октябрем 1917 г., высказался открыто: «Революция производственных отношений есть отражение революции, а не сама революция; экономический материализм полагает лишь в ней чистоту; и полагает он: революции духа – не чисты; они буржуазны. Революция чистая, революция, собственно, еще только идет из туманов грядущей эпохи. Все иные же революции по отношению к этой последней – предупредяющие толчки, потому что они *буржуазны* и находятся внутри эволюционного круга огромной эпохи, имеваемой нами “история”...» [2, с. 303].

Очередное «странное сближенье» – в одной из статей Максима Горького из цикла «Несвоевременные мысли», публиковавшегося газетой «Новая жизнь». Автор был отнюдь не единомышленником Андрея Белого, однако использовал те же семантические нюансы, полемизируя с большевистским режимом в декабре 1917 г.: «Но всего больше меня и поражает, и пугает то, что революция не несет в себе признаков духовного возрождения человека, не делает людей честнее, прямодушнее, не повышает их самооценки и моральной оценки их труда» [7, с. 99].

Подводя итоги, можно констатировать, что термины «революция» и «переворот», использующиеся ныне для обозначения позитивно или негативно оцениваемого восстания – отнюдь не универсальны. Они даже не историчны. Но отсюда вовсе не следует, что такое использование вообще неуместно. Уместно осознанное и ответственное отношение к словесному облачению смыслов.

Библиография

1. Белый А. Душа самосознающая. М.: Канон+, 2004. 560 с.
2. Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. 528 с.
3. Беркова К.Н. Процесс Людовика XVI. Пг.: Гос. изд-во, 1920. 168 с.
4. Виноградов В.В. История слов. М.: Институт русского языка, 1999. 1142 с.
5. Восстание декабристов: Документы и материалы и. М.; Л.: Центархив, 1927. Т. 4. 488 с.
6. Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954–1965. Т. 8. 519 с.
7. Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917–1918). М.: ИНТЕРКОНТАКТ, 1990. 193 с.
8. Грибоедов А.С. Соч. в стихах. Л.: Сов. писатель, 1967. 520 с.
9. Катаев В.П. Алмазный мой венец // Катаев В.П. Соч.: В 4 т. М.: Вагриус, 2005. Т. 2. С. 229–478.
10. Азиатцев Д.Б., Киянская О.И. Описание библиотеки П.И. Пестеля на русском языке // 14 декабря 1825 года. СПб.; Кишинев: Нестор, 2002. Вып. V. С. 17–27.
11. Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 289–339.
12. Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Соч.: В 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 135–406.
13. Милюков П.Н. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. 767 с.
14. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. М.: Прогресс-Культура, 1994. Т. 2. Ч. 1. 416 с.
15. Национальный корпус русского языка: Александр Яковлев. Омут памяти. Т. 1. (2001). http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%C5%F1%EB%E8%20%EF%E5%F0%E5%E2%EE%F0%EE%F2%20%E2%20%EE%EA%F2%FF%E1%F0%E5%201917%20%E3%EE%E4%E0%20%ED%EE%F1%E8%EB%20%FF%E2%ED%EE%20%F0%E0%E7%F0%F3%F8%E8%F2%E5%EB%FC%ED%FB%E9%20%F5%E0%F0%E0%EA%F2%E5%F0&docid=49107 (Дата обращения: 15.07.2017.)

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

8%F5+%EA%EB%E0%F1%F1%E0%F5+%F3%E6%E5+%F7%E8%F2%E0%EB%E0%2C+%F7%
F2%EE+%CE%EA%F2%FF%E1%F0%FC%F1%EA%E0%FF+%F0%E5%E2%EE%EB%FE%F6%
E8%FF+%96+%FD%F2%EE+%EF%E5%F0%E5%E2%EE%F0%EE%F2 (Data obrashhenija:
15.07.2017.)

Odessky M.P. Vol'nodumnyj tezaurus dekabristov: Révolution – revoljucija – perevorot –
prevrashhenie // Dekabristy: Aktual'nye problemy i novye podhody. Moscow: RGGU, 2008. P. 494–
502.

Odessky M.P., Feldman D.M. Pojetika vlasti: Tiranoborchestvo. Revoljucija. Terror. Moscow:
ROSSPJeN, 2012. 263 p.

Shil'der N. Imperator Nikolaj Pervyj: Ego zhizn' i carstvovanie. Moscow: Charli; Algoritm,
1997. Kn. 1. 752 p.

Solov'ev Je.Ju. Proshloe tolkuet nas: Oчерki po istorii filosofii i kul'tury. Moscow: Politizdat,
1991. 432 p.

Solzhenicyn A.I. V krugе pervom. Moscow: Hud. literatura, 1990. 766 p.

Vinogradov V.V. Istorija slov. Moscow: Institut russkogo jazyka, 1999. 1142 p.

Vosstanie dekabristov: Dokumenty i materialy i. Moscow; Leningrad: Centrарhiv, 1927. Vol. 4.
488 p.